

18+

Стивен Марш

Сделка с Совестью

<https://litres.ru/74272234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его зовут Аркадий Рихтер. Он продаёт невиновность — дорого и оптом. Клиенты — те, кого уже похоронили следователи. Оружие — не пистолет, а процессуальные лазейки. Когда против него начинает игру сама система, Рихтер достаёт из рукава козырную карту — папку с именами, которые никто не должен был узнать. Теперь это не защита. Это война. И в этой войне у него есть только одно правило: последнее слово всегда остаётся за ним.

Содержание

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	4
«Сделка с совестью».	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сделка с Совестью

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

«Сделка с совестью».

Главный герой — Аркадий Рихтер.

Пролог

«Закон — мой любимый грех. А невиновность — мой товар. Оптом и в розницу.»

Меня зовут Аркадий Рихтер, и я продаю невиновность. Оптом и в розницу. В моем мире, в мире казенных коридоров Пресни и бетонных коробок следственных изоляторов, у всего есть цена. Особенно у правосудия. Моя цена высока, потому что мой товар эксклюзивен — я превращаю дерьмо в шоколад, а явку с повинной, написанную под дулом сломанной психики опера, — в оправдательный приговор.

Я не верю в Бога, в закон я верю еще меньше. Закон — это глина. Влажный, податливый материал в руках того, кто знает, где у него трещины, а где — арматура. Уголовно-процессуальный кодекс — моя библия, но я не верующий, я — толкователь. Софист в дорогом костюме. Моя специализация — безнадежные дела. Те самые, от которых шарахаются приличные адвокаты с почасовой оплатой. Я берусь за клиента, когда улики не просто железобетонные — они уже превратились в надгробную плиту. Я тот парень, который достает отбойный молоток.

Мой офис — это заднее сиденье «Аурус Сенат». Не из тщеславия, а из практичности. «Майбах» слишком пафосный, он раздражает судей, у которых зарплата меньше стоимости его колеса. «Мерседес» S-класса — это для следователей, которые хотят казаться честными. А «Аурус» — это бронированный аргумент. Государственная машина, в прямом и переносном смысле. Когда мой водитель, Леха, бывший опер с Петровки, молча прижимает эту махину к служебному входу суда, у охраны не возникает желания проверить мой портфель. Статус в России — это девяносто процентов защиты. Остальные десять — это знание того, кто из судей любит молоденьких секретарш, а у кого из прокуроров сын сидит на игле.

Сегодняшнее утро началось с визита в «Матросскую Тишину». Не в общую приемку для «адвокатишек», а через внутренний шлюз для спецконтингента, где к тебе обращаются по имени-отчеству, а паспорт смотрят так, будто это фантик от конфеты. Мой новый клиент ждал меня в стеклянном стакане для VIP-заключенных. Его звали Вадим Шелест, и до вчерашнего дня он был финансовым директором крупнейшего благотворительного фонда «Наследие».

Теперь он просто последственный по статье 159 часть 4. Мошенничество в особо крупном, с ущербом в один миллиард двести миллионов рублей. Деньги собирали на храмы, а нашли их в офшорах на Кипре. Классика жанра, с легким привкусом ладана и лицемерия.

Глава 1

«В суде нет правды, есть только версия. И я выбираю версию, которая приносит прибыль.»

Стекло в комнате для допросов было мутным, но я видел, как Шелест нервно крошит пластиковый стаканчик. Он был бледен, под глазами залегли серые тени, выдававшие бессонную ночь на казенных шконках. Но держался он лучше, чем большинство моих клиентов. Белая рубашка, пусть и мятая, дорогие часы, которые у него пока не отобрали. Порода чувствовалась. Плохая, гнилая порода, но порода.

— Аркадий Борисович, — выдохнул он, едва я переступил порог. Конвоир услужливо закрыл за мной дверь, оставив нас в гулкой тишине. — Спасибо, что так быстро. Мне сказали, что вы лучший. Что вы... решаете вопросы.

Я не сел на прикрученный к полу табурет. Я люблю возвышаться над клиентом в первые минуты. Это задает тон. Я достал из портфеля диктофон, но пока не включал его. Этот разговор должен был пройти в «теневом режиме».

— Для начала, Вадим Эдуардович, давайте кое-что проясним, — мой голос звучал ровно, как у врача, сообщающего диагноз. — Я не решаю вопросы. Я нахожу процессуальные ошибки. Вы платите мне не за то, что я принесу деньги

в кабинет следователя. Вы платите мне за то, что я превращу их многотомное дело в решето. Разница колоссальная. В первом случае вы сядете за дачу взятки и мошенничество. Во втором — вы выйдете через парадный вход под мою гарантию непогрешимости.

Шелест нервно сглотнул. Он был напуган, и это хорошо. Страх делает клиентов сговорчивыми и щедрыми.

— Но вы же понимаете, — начал он, понизив голос до шепота, — там было не просто мошенничество... эти деньги... они действительно ушли на счета...

Я резко поднял ладонь, обрывая его.

— Стоп. С этого момента вы не произносите ни слова о том, куда ушли деньги, пока я не скажу «можно». Поняли? В этом здании даже у стен есть уши. В прямом смысле. Здесь система «прослушка без протокола» работает как часы. Мне не нужно знать, виновны вы или нет. Более того, — я наклонился к самому его лицу, чувствуя запах больничного мыла и пота, — ваш порыв к исповеди — это самое опасное, что есть в моей работе. Мне плевать на истину. Мне нужно знать только одно: что написано в материалах дела, и чего там не написано.

Шелест отшатнулся, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение. Он ожидал моралиста с кодексом чести. А получил циника с прейскурантом. Именно это ему и было нужно. Ему нужен был не адвокат. Ему нужен был киллер. Юридический киллер, работающий по врагам из проку-

ратуры.

Я сел наконец, закинув ногу на ногу. Достал из кармана пачку «Парламента», но вспомнил, что курить здесь запрещено, и просто покрутил сигарету в пальцах. Желваки на лице Шелеста ходили ходуном.

— Теперь к делу, — сказал я. — Обыски у вас прошли вчера утром. Кто ведет? ГСУ или районка?

— Главное следственное управление, — ответил он, кривая губы. — Следователь Князев. Молодой, злой и абсолютно неподкупный. Зверь в погонах.

Я кивнул. Игорь Князев. Восходящая звезда. Я знал его. Принципиальный дурак. Самый опасный тип врага, потому что он искренне верит в то, что делает, и не имеет ценника. С такими нельзя договориться на понятиях. Их нужно топить в букве закона, заваливать ходатайствами, выставять идиотами перед судьей. Ну, или искать ключи к тем, кто стоит над ним.

— Хорошо. Один миллиард, говорите? — я усмехнулся. — Гонорар будет обычным: десять процентов от спасенной суммы.

Шелест поперхнулся воздухом.

— Это же сто двадцать миллионов рублей!

— Нет, — я покачал головой, глядя ему прямо в зрачки.

— Это моя страховка. Если я беру у вас миллион, для меня это просто работа. Если я беру сто двадцать, я становлюсь вашим соучастником, мотивированным на победу больше,

чем вы сами. Мне нужен не гонорар, Вадим. Мне нужна доля в вашей свободе. И, судя по вашей бледной физиономии, вы уже прикинули, что лучше потерять десять процентов, чем сидеть в камере, где вас завтра начнут прессовать за долю в «общаке».

Он молчал минуту. Потом медленно кивнул.

— Договорились. Но как вы собираетесь... это сделать? У них есть все: платежки, офшорные компании, показания моего бухгалтера.

Я достал из портфеля тонкую папку, которую подготовил на основе слитых мне данных из канцелярии суда еще вчера вечером. Люблю работать с опережением.

— Видите эту бумагу? — я показал ему копию постановления о возбуждении уголовного дела. — Здесь подпись заместителя начальника ГСУ. Знаете, в чем проблема? В деле фигурирует фонд «Наследие», но фонд зарегистрирован как религиозная организация. Чтобы возбудить дело против руководства религиозного фонда по экономическому составу, требуется отдельное разрешение от Министерства юстиции. Князев не запросил это разрешение, потому что он считает ваш фонд просто ширмой для отмывания.

Я сделал паузу, наслаждаясь тем, как лицо Шелеста постепенно оживает.

— Вы хотите сказать, что всё дело...

— Дело развалится на корню, — перебил я. — Но только если мы сыграем правильно. Мы не будем подавать это хода-

тайство сейчас. Нет. Мы дадим им арестовать счета. Мы дадим Князеву предъявить обвинение. Мы позволим им пройти точку невозврата. И только за день до избрания меры пресечения я положу эту бумагу на стол судьи. Это называется «процессуальная мина». Реабилитирующее основание, обнаруженное адвокатом. Дело — хлам. Но чтобы оно превратилось в пыль, нам нужно, чтобы они вложили в него максимум сил. Пусть запачкаются по локоть.

Я встал и поправил запонки.

— Готовьте деньги. Не наличкой, это глупость. Крипта, через номинального держателя в Дубае. Схему сбросит мой помощник. И еще: сегодня к вам придет подполковник из УСБ. Он предложит сделку. Попросит слить тех, кто «крышевал» фонд в Думе. Пошлите его. Вежливо, но твердо. Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете сейчас, выльется в новую статью за дачу взятки должностному лицу. А я не могу защищать болтливого дурака.

Я постучал в дверь, вызывая конвоира. Шелест сидел, переваривая информацию. Из напуганного олигарха он превращался в хищника, у которого появился план. Это хорошо. Агрессивный клиент — защищаемый клиент.

Когда бронированная дверь за моей спиной захлопнулась, и я пошел по гулкому коридору следственного изолятора, в кармане завибрировал телефон. Это был не мой личный. Это был «чистый» одноразовый слот, номер которого знали только трое.

СМС была короткой: **«Ваш автобус горит. Советую не брать билет. Д.»**.

Я остановился у окна, выходящего во внутренний двор тюрьмы, и перечитал сообщение. Д. — это Денис. Мой «крот» в Департаменте собственной безопасности ФСБ. Автобус на их сленге означал клиента.

Мой клиент, с которым я только что заключил сделку на десять процентов от миллиарда, был меченым. Кто-то на самом верху уже списал Вадима Шелеста в утиль.

Это означало, что реальная игра только начиналась. И защищать нужно будет не только кошелек клиента, но и собственную шкуру. Я снова глянул на сообщение, усмехнувшись своему отражению в грязном стекле. Что ж, в Уголовном кодексе нет статьи за «превышение меры цинизма». А если бы и была, я бы уже давно сидел пожизненно.

— Леха, заводи, — сказал я в гарнитуру, ускоряя шаг к выходу. — Мы едем в храм.

— В храм, Аркадий Борисович? — удивился водитель.

— Да. Грехи замаливать. И искать нового свидетеля. Того, кто носит рясу, но думает как дьявол.

«Аурус» мягко тронулся, разрезая слякотный московский вечер. Где-то в недрах Лубянки уже, наверное, печатали постановление о прослушке моего кабинета. Но они забыли главное: мой кабинет всегда в движении. И на ходу меня не достать.

Глава 2

«Даже в храме можно торговаться. Вопрос лишь в том, сколько стоят твои грехи.»

Храм Святителя Николая на Трех Горах встрел меня запахом ладана и запустения. Здесь не было золотых куполов, сияющих на солнце, и чинных бабушек в платочках. Это была старая, почерневшая от времени церковь, зажатая между элитным жилым комплексом и реновированным бизнес-центром. Архитектурный аппендицит, который забыли вырезать ради застройки. Именно такие места я любил больше всего. В тени амвонов прячутся самые интересные грехи.

Внутри царил полумрак. Свечной ящик пустовал. Единственным звуком был негромкий скрип половиц под моими туфлями ручной работы. Я не был в церкви лет пятнадцать, с тех пор как мать пыталась вымолить для меня прощение за развод с первой женой. Прощения не случилось, как и наследства от тестя.

Из-за колонны, увитой искусственным плющом, бесшумно вышел человек в рясе. Отец Михаил. В миру — Михаил Аркадьевич Берг, бывший аудитор Счетной палаты, ушедший в религию сразу после громкого дела о хищении бюджетных средств на строительство перинатальных центров.

Тогда он чудом избежал скамьи подсудимых, списав всё на нервный срыв и божественное озарение. Я знал его еще по той, светской жизни. Талантливый финансист с душой вора и мозгами шахматиста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.